

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ПОЭТИКИ

РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Олег Иванович Сыромятников

доктор филологических наук,
преподаватель кафедры гуманитарных
и естественно-научных дисциплин
Пермской духовной семинарии
614036 г. Пермь, шоссе Космонавтов, 185.
pani_perm@list.ru

Для цитирования: *Сыромятников О. И.* Эсхатологические аспекты православной поэтики. Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» // Богословский вестник. 2020. № 3 (38). С. 316–340. DOI: 10.31802/GB.2020.38.3.015

Аннотация

УДК 82.091 (27.175-27)

Православная поэтика представляет собой совокупность средств выражения православного вероучения в образности литературного произведения. Ее основы лежат в «Слове о законе и благодати» (XI в.), но свое наивысшее развитие она получила в XIX в. в трудах православных писателей, среди которых особое место принадлежит Ф. М. Достоевскому. Найденные им художественные средства позволяют изображать процессы, протекающие в духовном мире человека и общества. В творчестве писателя вопрос о личном спасении человека неразрывно связан с вопросом об исторической судьбе России. Ярким примером является роман «Бесы» (1872), непосредственным поводом к написанию которого послужило преступление, совершенное революционной группой под руководством Нечаева. Его главной причиной Достоевский считает углубляющуюся апостасию русской интеллигенции, ставшую следствием гордыни, эгоизма и гедонизма. Писатель показывает, как желание насытить страсти разрушает в человеке образ Божий, после чего образующуюся духовную пустоту заполняет зло, и человек постепенно приобретает черты антихриста, о появлении которого предупреждает Священное Писание. Прежде всего это относится к образам Ставрогина и Петра Верховенского — в каждом из них есть свойства, атрибутируемые антихристу: гордыня, злоба, неспособность любить и др., но ни в одном из них они не воплотились

во всей полноте. Тем самым Достоевский предупреждает, что если разрушение духовного сознания русского общества вовремя не остановить, то эти черты смогут воплотиться и в одном человеке.

Ключевые слова: Бог, Христос, Ф. М. Достоевский, «Бесы», эсхатология, православная поэтика, антихрист, дьявол.

Из всех романов **великого пятикнижия** «Бесы» вызывали и вызывают наибольшее количество споров, главная причина которых состоит в неразличении внешней и внутренней идеи романа. Внешняя идея позволяет ставить «Бесы» в ряд антинигилистических сочинений¹. Основания для этого дал сам Достоевский, последние двадцать пять лет жизни которого прошли в упорной борьбе с различными проявлениями атеизма, нигилизма и либерализма. Начиная работу над романом, писатель сообщал Н. Н. Страхову: «На вещь, которую я теперь пишу... я сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны; хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и в сердце; пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь»². События 1905 и 1917 гг. актуализировали профетический контекст романа — русская эмигрантская литература говорила о нём, как о сбывшемся пророчестве, предвещавшем наступление советской («бесовской») власти. Эта точка зрения стала весьма популярной и в отечественном литературоведении постсоветского периода³.

В то же время стали доступны многие исследования дореволюционного и эмигрантского периода русского литературоведения. Они указывали на насыщенность романа прямыми и косвенными цитатами из Священного Писания, говорили о связи проблематики «Бесов» с христианским вероучением и утверждали, что именно оно образует внутреннюю идею романа. Эти исследования осуществлялись на стыке православного богословия, философии и филологии, создавая предпосылки для формирования специфической сферы на-

- 1 См., например: «Взбаламученное море» (1863) А. Ф. Писемского; «Некуда» (1864) и «На ножах» (1871) Н. С. Лескова; «Марево» (1864) В. П. Клюшникова; «Бродящие силы» (1867) В. П. Авенариуса; «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874) В. В. Крестовского; «Новь» (1877) И. С. Тургенева; «Злой дух» (1883) В. Г. Авсеенко; «Бездна» (1884) Б. М. Маркевича и др.
- 2 *Достоевский Ф. М. Письма* // Полное собрание сочинений: в 30-ти томах (далее — ПСС). Л., 1986. Т. 29. Кн. 1. С. 111–112. В том же письме Достоевский советовал Страхову: «Вы слишком, слишком мягки. Для них надо писать с плетью в руке... Если б Вы на них поазартнее и поглубе нападали — было бы лучше. Нигилисты и западники требуют окончательной плети... Иногда, по-моему, надо понижать тон, брать плеть в руки и не защищаться, а самим нападать, гораздо поглубе» (Там же. С. 113–114).
- 3 См., например: *Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение*. М., 1990; *Карякин Ю. Ф. Достоевский и Апокалипсис*. М., 2009; *Кантор В. К. «Судить Божью тварь»*. Пророческий пафос Достоевского: очерки. М., 2010.

уки о русской литературе — православной фидеистики⁴. Благодаря ей удалось сделать наиболее ценные наблюдения над системой образов и художественным методом Достоевского⁵.

Это стало возможным благодаря тому, что слово Достоевского запечатлело наиболее значимые идеи его мировоззрения, основу которого всегда составляло православие. Православный взгляд на мир даёт возможность человеку за всеми словами, мыслями и поступками людей, а также за всеми явлениями социальной, экономической, политической и иной внешней реальности видеть всеблагую волю Творца. Изображение этой духовной реальности и стало главной целью Достоевского, для достижения которой он должен был решить сложнейшую задачу — средствами современного литературного языка показать человека и мир, в котором он живет, в их духовно-материальном единстве.

В поисках решения этой задачи Достоевский идёт путем Пушкина⁶, показавшим в «Борисе Годунове» и «Истории Петра», как нарушение людьми духовных законов приводит к социальным потрясениям — войне и «бесмысленному и беспощадному русскому бунту». Достоевский дополнил открытия своего великого предшественника достижениями христианской европейской литературы и собственным «петрашевским» опытом. Уже в «Преступлении и наказании» он ясно говорит о духовной причине всех революционных смут: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселившиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одарённые умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесно-

4 Её началом можно считать работы: *Леонтьев К. Н.* О всемирной любви, по поводу речи Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике (1880); *Соловьев В. С.* Три речи в память Достоевского (1884) и *Розанов В. В.* Легенда о Великом инквизиторе (1891).

5 Отметим наиболее заметные работы православного духовенства: *Антоний (Храповицкий), митр.* Ф. М. Достоевский как проповедник возрождения (1965); *Флоровский Г., прот.* Достоевский и Европа (1922); *Иустин (Попович), прп.* Философия и религия Ф. М. Достоевского (до 1979); *Сергий Булгаков, прот.* Русская трагедия (1914). Современное российское православное достоевведение представлено именами В. Е. Ветловской, Е. А. Гаричевой, М. М. Дунаева, И. А. Есаулова, В. Н. Захарова, К. Г. Исупова, Р. Лаут, Р. О. Мазель, К. А. Степаняна, С. Л. Шаракова и др. Христианские аспекты творчества Достоевского исследуют Н. Ф. Буданова, Т. А. Касаткина, И. А. Кириллова, С. Сальвестрони, Л. И. Сараскина, Б. Н. Тихомиров, Р. Уильямс и др.

6 Об этом говорит двойной эпиграф к «Бесам», состоящий из обширной цитаты из Евангелия от Луки и строчек пушкинского стихотворения «Бесы». Эти разножанровые тексты обладают единой символикой, описывающей духовный феномен бесовской одержимости.

ватыми и сумасшедшими... Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали... Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе... Начались пожары, начался голод»⁷. По существу, эта картина является ключом к тому, что происходит не только в «Бесах», но и во всем **великом пятикнижии**⁸ Достоевского — люди начинают разрушать себя и окружающий мир не в силу каких-либо социальных причин, а потому, что допускают в свои сердца духов злобы.

Есть все основания полагать, что Достоевский знал христианское учение об ангельском мире⁹. Согласно ему, ангелы от сотворения обладали умом и свободной волей для сослужения Творцу. Затем один из них, ослеплённый собственной красотой и могуществом, возмнил себя равным Богу и решил занять место рядом с Ним. Священное Писание повествует о том, к чему это привело: *Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своём: «взойду на небо, выше звёзд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней* (Ис. 14, 12–15).

Денница превратился в сатану (дьявола), а ангелы, пошедшие за ним, — в бесов. Их главным атрибутом стала ненависть к жизни во всех её проявлениях. Являясь частью тварного духовного мира, бесы не способны принести вред ни Творцу, ни творению и потому обращают свою злобу на человека. Они не властны над тем, кто сотворён по образу Бога (см. Быт. 1, 26), но только до тех пор, пока человек сам не обратится к ним за помощью в удовлетворении каких-либо страстей. Бог знает об этом и устами пророка предлагает выбор: *Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло... Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё* (Втор. 30, 15.19). Этот выбор и обеспечивают падшие духи — у человека есть возможность свободно и сознательно принять решение: идти к Богу или от Него. По этому поводу К. А. Степа-

7 Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // ПСС. Л., 1973. Т. 6. С. 419–420.

8 Эти термином в литературоведении обозначают пять романов писателя: «Преступление и наказание» (1866); «Идиот» (1869); «Бесы» (1872); «Подросток» (1875); «Братья Карамазовы» (1880).

9 Об этом говорит, в частности, круг его духовного чтения. См.: Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005. С. 104–132.

нян пишет: «Со времён первого человека, Адама, перед людьми стоит дилемма: или сохранить природную родственную, сыновнюю связь с Богом, оставаясь в раю, или, поддавшись искушению, попытаться самостоятельно *быть, как боги* (Быт. 3, 5), стать Его копией и даже занять Его место...»¹⁰.

Путь к Богу требует непрерывных и возрастающих с каждой минутой усилий: *Царство Небесное силою берётся, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Вследствие греховной повреждённости человеческой природы это удаётся далеко не всем: *Широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими* (Мф. 7, 13), поэтому в конце концов человечество перейдёт «меру беззакония», и тогда, говорит Священное Писание, *откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога* (2 Фес. 2, 3–4). Пришествие антихриста по действию сатаны будет со всякою силою, и знаменьями и чудесами ложными, и со всяким неправедным обольщением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду (2 Фес. 2, 9–12). Согласно учению Церкви, «антихрист будет обладать огромной силой, ибо сатана даст ему силу свою и престол свой и великую власть (Откр. 13, 2). Поскольку диавол является князем мира сего (Ин. 14, 30), то он наделит его и религиозной, и политической, и финансово-экономической властью... Он потребует себе всеобщего поклонения, и те, кто уклонится от этого, подвергнутся жестоким гонениям»¹¹.

Бесы существуют как факт духовной реальности, к которой человек причастен по своей природе (см. Быт. 1, 27; 2, 7). Однако уже к середине XIX в. понятие «бесы» (как и многие другие «церковные» понятия) значительно маргинализировалось из-за ускоряющегося разрушения религиозного ядра общественного сознания, поэтому в первом романе **великого пятикнижия** Достоевский заменил его естественно-научным термином «трихины», понимая, что открытое выражение мысли неизбежно оттолкнет читателя. Он старался избежать ошибки Гоголя, допущенной им в «Выбранных местах из переписки с друзьями», — стать назидательным, «ходульным».

10 Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб., 2010. С. 145.

11 Леонов В., прот. Основы православной антропологии. М., 2016. С. 416.

Сознательно и неуклонно следуя профетическому импульсу пушкинского «Пророка» (1826), Достоевский «Преступлением и наказанием» (1866) стремится предупредить современников об опасности и последствиях ослабления духовного иммунитета. Преступление, совершённое в 1869 г. С. Г. Нечаевым, наглядно подтвердило правоту писателя. Однако он уверен, что одним Нечаевым дело не ограничится: «Эти явления не случайность, не единичны...», «факты явные и грозные... Надо бороться, ибо всё заражено»¹². Теперь Достоевский называет вещи своими именами и делает заглавие романа и евангельский эпиграф к нему вызовом разного рода «бесам», а весь роман — своеобразным актом «художественного экзорцизма».

Характерной особенностью творчества Достоевского является конвергенция двух основных идей: идеи **личного спасения человека** и идеи исторического предназначения России — **русской идеи**¹³. В результате личная судьба человека оказывается неразрывно связана с судьбой его отечества. Писатель напряжённо ищет ответ на вопрос о том, что значит быть христианином в России в конце XIX в. При этом в центре его внимания — не народ «вообще», а его значимая, пассионарная часть — национальная интеллигенция. По словам Н. Ф. Будановой, «болезнь безумия, беснования, охватившего Россию, в понимании писателя — это прежде всего болезнь русской интеллигенции, увлечённой ложными западными идеалами и утратившей кровную связь с родной “почвой”, народом, его верой и правдой»¹⁴. Причём, замечает Т. Н. Никольская, «неверие в кругах интеллигенции быстро превратилось в почти повальную моду, которой подражали все, кто стремился быть здесь “своим”»¹⁵. Именно в богоотступничестве писатель видел основную причину общественных неурядиц

12 *Достоевский Ф. М.* Письма // ПСС. Т. 29. С. 260, 262. Приблизительно в то же время М. А. Бакунин заявил: «Сатана — духовный глава всех прошлых, настоящих и будущих революционеров». Цит. по: *Степанян К. А.* Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. С. 236.

13 Более подробно см.: *Сыромятников О. И.* Поэтика русской идеи в великом пятикнижии Ф. М. Достоевского. Пермь, 2014.

14 *Буданова Н. Ф.* О некоторых источниках нравственно-философской проблематики романа «Бесы» // Достоевский: материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 106.

15 *Никольская Т. К.* Роман «Бесы» и пророчества о русской религиозной истории XX века // Достоевский и современность: Материалы XIX Международных Старорусских чтений 2004 года. Новгород, 2005. С. 151.

современной ему России¹⁶, поэтому его главным героем становится человек, богато одарённый интеллектуально и эстетически, но пытающийся во что бы то ни стало освободиться от любви Бога. Достоевский ищет причины этого явления в русле пророческой традиции русской литературы, выраженной в словах Н. В. Гоголя: «Дьявол выступил уже без маски в мир. Дух гордости перестал уже являться в разных образах и пугать суеверных людей, он явился в собственном своём виде»¹⁷. Признаки приближения последних времён видел в окружающем мире и сам писатель. Так, однажды, имея в виду своих вечных врагов — либералов-западников, Достоевский сказал: «**Они** и не подозревают, что скоро конец всему... всем ихним “прогрессам” и болтовне! Им и не чудится, что ведь антихрист-то уж родился... и **идёт!**.. Идёт! Идёт к нам антихрист! И конец миру близко — ближе, чем думают!»¹⁸

Священное Предание говорит о признаках появления антихриста (см.: Иер. 8, 16; Дан. 11, 37; Мф. 24, 24; Ин. 5, 43; 1 Ин. 4, 1; 2, 18; 2 Фес. 2, 11)¹⁹, одним из которых будет появление многих и разнообразных его предшественников — лжепророков и лжеучителей. Всех их будет объединять сознательное неприятие Христа и Его мира, а также стремление занять Его место и изменить план Божественного мироустройства. Святой Иоанн Дамаскин учит, что антихрист «рождается от блуда, и тайно воспитывается, и внезапно возмущается, и восстает, и царствует»²⁰. Он явится в последний день мира, накануне Страшного Суда и, поддерживаемый сатаной, начнёт войну против тех немногих, кто ещё сохранит верность Христу. Он убьёт их всех, сокрушив силою дьявола даже Илию и Еноха, которые восстанут для защиты праведников (см. Откр. 11, 3–10). И когда победа антихриста будет казаться очевидной, совершится великое и славное пришествие Христа, Который уничтожит антихриста одним дыханием уст Своих (см. 2 Фес. 2, 8), а затем победит и сатану.

16 Вспомним слова Сони Раскольникову: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» (*Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание // ПСС. Т. 6. С. 321).

17 *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений: в 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 190.

18 *Тимофеева В. В.* (*Починковская О.*) Год работы с знаменитым писателем // Достоевский в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., 1990. Т. 2. С. 180–181.

19 Заметим, что православие использует это понятие в двух значениях: в собственно библейском и для обозначения любого человека, отрицающего Христа как вторую ипостась Божественной Троицы.

20 *Joannes Damascenus.* De fide orthodoxa IV, 26 // PG. 94. Col. 1217B:1–3. Рус. пер.: *Иоанн Дамаскин, прп.* Точное изложение Православной веры. М., 2010. С. 457.

Писатель с тревогой замечает в окружающем мире всё умножающиеся знаки надвигающейся беды и старается предупредить о ней соотечественников. В основе романа лежит обширный замысел, получивший рабочее название «Житие великого грешника». Согласно первоначальному плану, это должно было быть исследование духовных закономерностей грехопадения («великий грешник») и возрождения («житие») человека. Внезапно открывшееся нечаевское злодеяние внесло в этот план некоторые коррективы — и Достоевский решил сделать духовный анализ происшедшего и показать причину того, почему обычные люди в обычном российском городе превратились в одержимых бесами существ.

Читатель, знакомый со Священным Писанием, сразу заметил в образе главного героя черты, которые христианство атрибутирует антихристу. Так, Ставрогин владеет некой мистической способностью подчинять себе людей, в силу чего одни его обожают, другие — ненавидят, но все признают его особую, ничем не объяснимую власть. Сверхъестественную, противоречащую рассудку и воле, рабскую зависимость чувствует Шатов: «Ставрогин, для чего я осуждён в вас верить во веки веков?.. Разве я не буду целовать следов ваших ног, когда вы уйдёте? Я не могу вас вырвать из моего сердца, Николай Ставрогин!»²¹ Сестра Шатова, Даша, ясно сознавая гибельность этой власти, не может и не хочет бороться с ней и готова по первому слову идти за Ставровиным на край света. Лиза Тушина ненавидит Ставровина, но против своей воли приближается к нему всё ближе и ближе и в конце концов гибнет. В «зоне притяжения» Ставровина находится даже Пётр Верховенский: «Вы мой идол!.. Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк...»²².

Поясняя этот феномен, Достоевский записывает: «Он должен быть обольстителен», «обворожителен, как демон»²³, «будущий антихрист будет пленять красотой»²⁴. Писатель обращает особое внимание на лицо Ставровина: «Казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен»²⁵. Более того, с каждым новым злодеянием красота Ставровина становится ещё сильнее:

21 *Достоевский Ф. М. Бесы* // ПСС. Л., 1974. Т. 10. С. 202.

22 Там же. С. 223–224.

23 *Достоевский Ф. М. Бесы: Заметки. Характеристики. Планы сюжета. Диалоги* // ПСС. Л., 1974. Т. 11. С. 174, 177.

24 *Достоевский Ф. М. Подросток* // ПСС. Л., 1976. Т. 16. С. 363.

25 *Достоевский Ф. М. Бесы* // ПСС. Т. 10. С. 37.

«Прежде хоть и считали его красавцем, но лицо его действительно “походило на маску”... Теперь же... он с первого же взгляда показался мне решительным, неоспоримым красавцем...»²⁶. Уподоблением лица маске писатель подчёркивает несоответствие его внешнего облика духовному содержанию. Лицо человека естественным образом отражает его внутреннее духовное состояние, а так как душа Ставрогина к этому времени разложилась почти полностью, её вид, как всякий вид гибнущей жизни, способен испугать и оттолкнуть любого человека. Поэтому Ставрогин пользуется маской только по необходимости, как и показано в сцене в гостиной его матери, когда он публично совершает тяжкий грех — отрекается от супружеской клятвы, данной пред лицом Божиим.

Всякая ложь опасна тем, что всегда причиняет вред лгущему. Она отдаляет человека от Бога и соединяет с дьяволом, который есть *человекоубийца... ложь и отец лжи* (Ин. 8, 44), а потому является самым страшным препятствием для любви к Богу, ближнему и к самому себе. А Ставрогин не считает ложь ни злом, ни пороком и прибегает к ней всякий раз, когда это может привести к цели кратчайшим путем. В тех же случаях, когда ему не нужно скрывать своё настоящее лицо, он обходится без маски. Так, разговаривая с женой наедине, Ставрогин не счёл нужным притворяться — и скоро его взгляд сделался «излишне суров, может быть, в нём выразилось отвращение, даже злорадное наслаждение её испугом». Это привело к тому, что «ещё мгновение, и она бы закричала»²⁷. Тогда Ставрогин спохватился и надел маску точно так же, как накануне в гостиной матери: «В один миг изменилось его лицо, и он подошёл... с самою приветливою и ласковою улыбкой»²⁸. Однако как только он понял, что его уловка не удалась и Марья Тимофеевна успела увидеть его **настоящую** душу, Ставрогин снова снял маску: «“Что ты сказала, несчастная, какие сны тебе снятся!” — возопил он и изо всей силы оттолкнул её от себя, так что она даже больно ударилась плечами и головой о диван»²⁹. Он уходил от жены «в неуголимой злобе, широко шагая по грязи и лужам, не разбирая дороги. Правда, минутами ему ужасно хотелось захохотать, громко, бешено...»³⁰.

26 *Достоевский Ф. М. Бесы // ПСС. Т. 10. С. 145*

27 Там же. С. 215

28 Там же.

29 Там же. С. 219.

30 Там же.

Словами Хроникёра писатель подчёркивает, что к этому времени злоба стала наиболее яркой духовно-нравственной характеристикой личности Ставрогина: «В злобе... выходил прогресс против Л-на³¹, даже против Лермонтова. Злобы в Николае Всеволодовиче было, может быть, больше, чем в тех обоих вместе, но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, **разумная**, стало быть, самая отвратительная и самая страшная, какая может быть»³². Примечательно, что подобная оценка никак не подтверждается событиями в романе, а значит, её даёт сам автор, указывающий на духовное состояние своего героя. По словам прп. Иустина (Поповича), «вся мнимая привлекательность, величие и прелесть зла... будет собрана, воплощена и олицетворена в антихристе... В антихристе зло достигнет на земле своего предельного совершенства, он будет гениально и неподражаемо зол. Всё зло, разбросанное по миру, сокрытое в ущельях человеческих душ и в безднах бесовских злоизволений, он соберёт в себе, соединит в себе и явит себя соборностью зла, вселенскостью зла, богом зла, всезлом. Он во всём будет противоположен Христу: Христос — воплощённое благо и истина, антихрист же будет стараться быть воплощённым злом и ложью...»³³.

Говоря о Ставрогине, писатель указывает и на ряд других черт, также непосредственно связанных с библейской символикой. Он дважды замечает: «И вдруг зверь показал свои когти»³⁴, «и вот — зверь вдруг выпустил свои когти»³⁵. В сцене, когда Ставрогин выводит жену из гостиной, «Лиза... для чего-то вдруг привскочила с кресла, когда они выходили, и неподвижным взглядом проследила их до самых дверей. Потом молча села опять, но в лице её было какое-то судорожное движение, как будто она дотронулась до какого-то гада»³⁶. Название главы, в которой Ставрогин появляется в романе («Премудрый змий»), восходит к Книге Бытия³⁷. Симонетта Сальвестрони пишет по этому поводу: «Если мы используем очевидную подсказку, данную в эпиграфе и названии этой главы, то с представленным типом поведения (Петра Верховенского и Ставрогина. — О. С.), безусловно, соотнесется змий Священного Писания, начиная с образа

31 Речь идет о декабристе М. С. Луние (1787–1845).

32 *Достоевский Ф. М. Бесы* // ПСС. Т. 10. С. 165.

33 *Иустин (Попович), прп. Догматика Православной церкви: Эсхатология*. М., 2005. С. 74.

34 *Достоевский Ф. М. Бесы* // ПСС. Т. 10. С. 37.

35 Там же. С. 38.

36 Там же. С. 147.

37 *Змий был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог* (Быт. 3, 1).

искусителя и лжеца в Книге Бытия и кончая Откровением Иоанна, где сатана определён как *древний змий, обольщающий всю вселенную* (Откр. 12, 9)³⁸. Об этом же пишет и В. И. Земскова: «“Зверь” имеет совершенно однозначные коннотации для христианского сознания (см. Откр. 11, 7; 13, 1–8 и др.). В этот ряд становятся и обозначения Ставрогина: “премудрый змий” (10;83) и “князь” (10; 215–219), — все три определения прямо отсылают к одному персонажу — Дьяволу...»³⁹. Действительно, словом «зверь» Священное Писание называет антихриста, а «драконом» или «змеем» (т.е. гадом) — сатану: все люди *поклонились дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему? и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно... и дана была ему власть над всяким коленом, и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца* (Откр. 13, 3–8).

Совмещение в личности Ставрогина двух inferнальных имён, хотя и близких, но всё же разных, говорит о том, что он не является **в полноте** ни тем, ни другим. Он не является сатаной, потому что сатана есть дух, не способный произвольно воплощаться в человеческом теле, а принимающий какое-либо видимое обличье лишь по Промыслу или попущению Божию⁴⁰, но указаний на это в романе нет. Ставрогин не является и антихристом, о котором говорит Писание. Несмотря на то, что он развращает и губит людей, он не ставит

38 *Сальвестрони С.* Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. М., 2015. С. 143.

39 *Земскова В. И.* Евангельские и былинные сюжеты в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура. Альманах. № 26. СПб., 2009. С. 58–59. Полагаем заслуживающим внимания интересное предположение К. А. Степаняна о том, что «название пятой главы первой части романа — вовсе не аллегория и не метафора, и не относится ни к Ставрогину, ни к Петруше, а к незримо действующему тому, кто и обозначен тут — “премудрому змию”). Не случайно Ставрогин в ПМ постоянно сравнивается со Христом: говорит и действует *как власть имеющий* (Мф. 7, 29)» (Степанян К. А. Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. С. 221).

40 Прп. Иоанн Дамаскин пишет по этому поводу: «Не сам диавол делается человеком, подобно вочеловечению Господа, — да не будет! — но рождается человеком от блуда и принимает на себя всё действие сатанино. Ибо Бог, наперед зная наглость будущего произволения его, позволяет, чтоб диавол вселился в нём» (*Joannes Damascenus. De fide orthodoxa IV, 26* // PG. 94. Col. 1217A:10–16. Рус. пер.: *Иоанн Дамаскин, прп.* Точное изложение Православной веры. М., 2010. С. 457). Достоевский показывает это догматическое положение на примере чёрта из кошмара Ивана Карамазова (*Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы* // ПСС. Л., 1976. Т. 15. С. 73–74).

перед собой такой цели **сознательно**, а лишь заражает окружающих смертью. Не менее важно и то, что он не сознаёт себя слугой или орудием зла и не стремится не только к мировому господству, но даже к власти над местными «бесами». Возможно, это связано с тем, что воля Ставрогина почти полностью разрушена страстями гордыни и сластолюбия и совершёнными им в угоду злодеяниям. Схиигумен Савва по этому поводу замечает: «По мере порабощения человека греху ослабляется воля человека...»⁴¹. И в результате, говорит прп. Иустин, «сорастворяясь с умом человеческим, дьявол порабощает и волю человеческую, ферментирует её злом и использует её как своё орудие»⁴².

Духовно-нравственную основу личности Ставрогина, наряду со «злой», «безмерной» и «бесконечной» гордостью⁴³, образует эгоизм: «Оставьте меня, я сам по себе. Я эгоист и хочу жить в эгоизме»⁴⁴. К началу действия романа разложение духовной природы Ставрогина дошло до того, что он уже утратил способность любить кого-либо: «Мне жаль, что я не могу вас любить, Шатов»⁴⁵, или хотя бы ответить на чувство бесконечно преданной ему женщины: «Мне вы милы, и мне, в тоске, было хорошо подле вас: при вас при одной я мог вслух говорить о себе. Из этого ничего не следует... Вникните тоже, что я вас не жалею, коли зову, и не уважаю, коли жду»⁴⁶.

Но Ставрогин не только не может любить, он не может и ненавидеть. Всё окружающее ему только в большей или меньшей степени **неприятно**, и он лишь ищет, где этого «неприятного» поменьше, поэтому он предлагает Даше навсегда уехать в Швейцарию: «В России я ничем не связан — в ней мне всё так же чужое, как и везде. Правда, я в ней более, чем в другом месте, не любил жить; но даже и в ней ничего не мог возненавидеть!»⁴⁷ Достоевский иллюстрирует это духовное состояние словами Иоанна Богослова, которые святитель Тихон читает Ставрогину: *Ангелу Лаодикийской церкви напиши: сие глаголет Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ни холоден, ни горяч; о если б ты был холоден или*

41 Савва (Остапенко), схиигум. Светильники духа. М., 2010. С. 46.

42 Иустин (Попович), прп. Догматика Православной церкви. С. 116

43 Достоевский Ф. М. Бесы: Заметки. Характеристики. Планы сюжета. Диалоги // ПСС. Т. 11. С. 117, 136, 149.

44 Там же. С. 134.

45 Достоевский Ф. М. Бесы // ПСС. Т. 10. С. 202.

46 Там же. С. 513.

47 Там же. С. 513–514.

горяч! Но поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то изблюю тебя из уст моих. Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател, и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты жалок и беден, и нищ, и слеп, и наг (Откр. 3, 14–17)⁴⁸.

В духовном смысле Ставрогина можно уподобить тяжело больному человеку, который медлит обращаться к врачу, считая своё положение ещё не очень опасным. Но болезнь уже поразила его организм и ведёт разрушительную работу. О том, что она уже принесла плоды и зло заполнило душу Ставрогина настолько, что начало выплёскиваться наружу, свидетельствуют его поступки: таскание за нос Гаганова, публичный поцелуй жены Липутина, укус за ухо губернатора. Хроникёр замечает, что, проделывая всё это, Ставрогин находился в странном, почти беспамятном состоянии, практически не руководя собой. Всё объяснилось тогда, когда укушенный губернатор запер его под арест. Сначала было тихо, но «в два часа пополуночи арестант, дотоле удивительно спокойный и даже заснувший, вдруг зашумел, стал неистово бить кулаками в дверь, с неестественною силой оторвал от оконца в дверях железную решётку, разбил стекло и изрезал себе руки»⁴⁹.

Достоевский рисует обычную картину беснования, характерной чертой которой является чудовищная сила, с которой человек, лишённый свободы, освобождается от пут. Аналогичную ситуацию показывает Евангелие. Когда Христос пришёл в страну Гадаринскую, *тотчас встретил Его... человек, одержимый нечистым духом, он имел жилище в гробах, и никто не мог его связать даже цепями, потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы, и никто не в силах был укротить его: всегда, ночью и днём, в горах и гробах, кричал он и бился о камни (Мк. 5, 2–5)*. Как и у гадаринского бесноватого, собственная воля уже не принадлежит Ставрогину. Им, ещё живым человеком, управляет зло, которое он сам призвал в душу для удовлетворения страстей гордыни и сластолюбия. По словам С. Н. Булгакова, «в том состоянии одержимости, в каком находится Ставрогин, он является как бы отдушиной из преисподней, через которую проходят адские испарения»⁵⁰. А сам Достоевский

48 *Достоевский Ф. М.* Бесы: Заметки. Характеристики. Планы сюжета. Диалоги // ПСС. Т. 11. С. 11.

49 *Достоевский Ф. М.* Бесы // ПСС. Т. 10. С. 43.

50 *Булгаков С. Н.* Русская трагедия // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. М., 1990. С. 198.

в черновиках к роману записывает: «Я думаю, люди становятся бесами или ангелами... Земная жизнь есть процесс перерождения. Кто виноват, что вы переродились в чёрта...»⁵¹. И когда иссякает любовь даже к самому себе, Ставрогин убивает своё тело и превращается в полноценного беса.

Заметим, что демоническая привлекательность образа Ставрогина лишь немного уступает обольстительности лермонтовского Печорина⁵². Это привело к тому, что в исследовательской литературе сложилась устойчивая тенденция говорить о желании Ставрогина возродиться, спастись и т. д.⁵³ В качестве главного аргумента предъясняется его визит к святителю Тихону, почему-то именуемый исповедью. Между тем М. М. Бахтин точно заметил: «Исповедь без покаяния, доведённая до предела. Не способны умереть и возродиться и обновиться, очиститься от себя, чтобы стать другими. Бесплодные зерна, брошенные в землю. Ментальное сладострастие»⁵⁴. Действительно, то, что какой-то человек принёс священнику (в данном случае — епископу) описание собственных злодеяний, ещё не делает их встречу исповедью. Необходимыми условиями исповеди православию считает смирение и покаяние, но их не было в словах Ставрогина. И Тихон это сразу заметил: «Что же это как не горделивый вызов от виноватого к судье?»⁵⁵ Духовными очами святитель прозрел, что означал приход этого великого грешника: «Я вижу... я вижу как наяву, — воскликнул Тихон пронизающим душу голосом и с выражением сильнейшей горести, — что никогда вы, бедный, погибший юноша, не стояли так близко к новому и ещё сильнейшему преступлению, как в сию минуту!»⁵⁶ Полагаем, в какой-то момент святитель увидел в Ставрогине того, о ком говорит Откровение: *и дано было ему вести войну со святыми и победить их* (Откр. 13, 8).

Кроме Ставрогина, в романе есть ещё один персонаж, на принадлежность которого к inferнальному миру Достоевский указы-

51 *Достоевский Ф. М.* Бесы: Заметки. Характеристики. Планы сюжета. Диалоги // ПСС. Т. 11. С. 184.

52 См. об этом: *Гиголов М. Г.* Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6. С. 64–72.

53 См.: *Сальвестрони С.* Библиейские и святоотеческие источники романов Достоевского. С. 173.

54 *Степанян К. А.* Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. С. 277.

55 *Достоевский Ф. М.* Бесы: Заметки. Характеристики. Планы сюжета. Диалоги // ПСС. Т. 11. С. 24.

56 Там же. С. 30.

вает особыми чертами внешности — Пётр Верховенский: «Лицо его никому не нравится. Голова его удлинена к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется вострым. Лоб его высок и узок, но черты лица мелки; глаз вострый, носик маленький и востренький, губы длинные и тонкие»⁵⁷. Он «ходит и движется очень торопливо» и при этом «очень вертится»⁵⁸, что создаёт впечатление, что он находится во всех местах сразу. И наконец, главная черта, не оставляющая двусмысленности: «Вам как-то начинает представляться, что язык у него во рту должно быть какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкий, ужасно красный и с чрезвычайно вострым, непрерывно и невольно вертящимся кончиком»⁵⁹. Как и в случае со Ставрогиным, черты сатаны сочетаются в образе Петра Верховенского с чертами антихриста. Достоевский говорит об этом словами Степана Трофимовича: «Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя такого, как есть, людям взамен Христа предложить желаешь? Il rit. Il rit beaucoup, il rit trop... Il rit toujours»⁶⁰⁶¹. Казалось бы, подчеркнутая змееподобность дает младшему Верховенскому возможность претендовать на роль «премудрого змея» не меньше, чем Ставрогину. Однако в нем нет глубины и масштабности, сам по себе он — ничто (nihil), поэтому ему необходима харизма Ставрогина: «Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк... Мне вы, вы надобны, без вас я нуль. Без вас я муха, идея в стклянке, Колумб без Америки»⁶². Предводитель, вождь нужен ему для того, чтобы низвергнуть христианскую веру и расчистить путь вселенскому злу: «Русский Бог уже спасовал пред “дешёвкой”. Народ пьян, матери пьяны, дети пьяны, церкви пусты...»⁶³.

57 Достоевский Ф. М. Бесы // ПСС. Т. 10. С. 143.

58 Там же. С. 143, 147.

59 Там же. С. 144.

60 Он смеётся. Он много, слишком много смеётся. <...> Он всегда смеется (франц.). Вопрос: «кто смеётся над человеком?» — не является для Достоевского шуткой. Старик Карамазов **серьёзно** спрашивает сына: «Кто же смеётся над людьми, Иван?» И слышит ответ своего одержимого бесом сына: «Чёрт, должно быть...» (Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // ППС. Л., 1976. Т. 14. С. 124). Обратим внимание и на выражение «ад всесмехливый» из песнопений Великой Пятницы, предупреждающих о грядущей победе Христа над смертью.

61 Достоевский Ф. М. Бесы // ПСС. Т. 10. С. 171.

62 Там же. С. 324.

63 Там же. С. 324.

В 1862 г. И. С. Тургенев впервые в русской литературе показал новое социальное явление — нигилизм. Его суть выражена в разговоре Павла Кирсанова с Базаровым: «Вы всё отрицаете, или, выражаясь точнее, вы всё разрушаете... Да ведь надобно же и строить. — Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить»⁶⁴. Однако писатель только изобразил нигилизм, затронув его интеллектуальные, нравственные, психологические и даже эстетические аспекты, но ничего не сказал об его духовной сущности. Это сделал Достоевский, в образе Петра Верховенского изобразив максимальное развитие идеи нигилизма в индивидуальном сознании. Более того, он показал, что рядом с «отрицателями» уже появляются те, кто после них будет строить «новый мир». Об его основаниях говорит Шигалев: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом. Прибавлю однако ж, что кроме моего разрешения общественной формулы не может быть никакого»⁶⁵. По словам современного исследователя, он «сам присваивает себе право быть вершителем человеческих судеб, являя собой страшную пародию на Пастыря доброго (см. Ин. 10, 11). В этом и выражается его антихристианская сущность»⁶⁶. Полагаем, что те или иные inferнальные черты нетрудно найти в Эркеле и некоторых других персонажах романа.

Библейский антихрист словно разделился в романе между множеством лиц, и у такого писателя, как Достоевский, это не может быть случайным. Вероятно, так проявляется величайшая надежда писателя на то, что *всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит* (Мф. 12, 25). Но вместе с тем Достоевский предупреждает, что если сейчас этим идеям зла ещё не удалось соединиться в одном человеке, то это вполне может случиться в будущем. Тем более что Ставрогин в своих преступлениях уже дошёл до предела духовно-нравственного разложения, возможного человеку. Его природа настолько разрушена злом, а образ Божий в ней настолько искажён и затемнён, что зачатый им в этом состоянии ребенок мог бы стать антихристом, о котором говорит Писание. Однако Достоевский верит, что мера беззакония в русском народе ещё не перейдена, и потому все женщины,

64 Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. / гл. ред. М. П. Алексеев. М., 1981. Т. 7. С. 49.

65 Достоевский Ф. М. Бесы // ПСС. Т. 10. С. 311.

66 Артемьева С. Апокалипсис у Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. М., 2003. № 17. С. 245.

с которыми Ставрогин имел связь, гибнут, не успев родить ему сына: женщина, о которой Ставрогин говорит в своей «исповеди», и Матрёша покончили жизнь самоубийством, а Лиза Тушина погибла от рук взбесившейся толпы. Ребенок родился только у Марии Шатовой, но «бесы» убили Шатова, в результате чего Мария и новорождённый ребенок остались без его помощи и погибли.

Помимо этого ребенка, у Ставрогина были и «духовные» дети — Шатов и Кириллов. Отношения с ними являются примером виртуозной дьявольской педагогики: за кратчайшее время «учитель» полностью изменил мировоззрение двух уже взрослых людей. Впоследствии Шатов смог преодолеть власть Ставрогина и не только найти путь ко спасению, но и обвинить «учителя» в нравственном преступлении: «Вы отравили сердце этого несчастного, этого маньяка, Кириллова, ядом... Вы утверждали в нём ложь и клевету и довели разум его до исступления... Подите взгляните на него теперь, это ваше создание...»⁶⁷. Ставрогину действительно удалось настолько исковеркать мировоззрение Кириллова, что он стал воспринимать окружающий мир как негативное изображение. Трагедия заключается в том, что при этом он сохранил многие прекрасные душевные качества, но все они стали служить его новой вере в небытие Бога.

В результате Кириллов становится первым атеистом **великого пятикнижия**, то есть человеком, религиозно утверждающим отсутствие Бога. Он принимает тезис Вольтера о социальной обусловленности идеи Бога: «Бог необходим, а потому должен быть»⁶⁸, но идёт дальше и заявляет, «что Его нет и не может быть... Для меня нет выше идеи, что Бога нет»⁶⁹. На место Бога он помещает человека по имени Иисус Христос: «Этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после **Ему** такого же, и никогда, даже до чуда»⁷⁰. Кириллов по-реннановски отрицает Божество во Христе, оставляя Ему лишь совершенную человеческую природу — порождение единой земной природы: «В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и **Этого**, даже чудо своё же не пожалели,

67 Достоевский Ф. М. Бесы // ПСС. Т. 10. С. 197.

68 Там же. С. 469.

69 Там же. С. 469, 471.

70 Там же. С. 471.

а заставили и **Его** жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке»⁷¹.

Честность перед самим собой заставляет Кириллова от констатации идти дальше: «Я не понимаю, как мог до сих пор атеист знать, что нет Бога, и не убить себя тотчас же? Сознать, что нет Бога, и не сознать в тот же раз, что сам богом стал, есть нелепость, иначе непременно убьёшь себя сам. Если сознаешь — ты царь и уже не убьёшь себя сам, а будешь жить в самой главной славе»⁷². И он решает осуществить свою веру в действии: «Всё спасение для всех — всем доказать эту мысль... Я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать»⁷³. Заметим, что Бог есть источник жизни и сама Жизнь (см. Ин. 14, 6), и потому всякое посягновение на жизнь есть посягновение на самого Бога. Этот бунт закономерно приводит Кириллова к мысли о том, что вместо Богочеловека Христа придёт Человекобог⁷⁴, в появление которого он верует религиозно. Какое-то время Кириллов думал, что угадал этого человека в Ставрогине, но затем понял, что Ставрогин — не «сильный человек»⁷⁵. Однако это разочарование только убедило Кириллова в собственной правоте: «Я ещё только бог поневоле и я несчастен, ибо **обязан** заявить своеволие... Я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека... Но я заявлю своеволие, я обязан уверовать, что не верую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасёт всех людей...»⁷⁶.

Кириллов повторяет слова Бога: *Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь* (Откр. 1, 8), слова Христа: *Я есмь дверь: кто войдёт Мною, тот спасётся* (Ин. 10, 9) и наконец присваивает себе Его миссию («Я спасу»). Он делает это сознательно, следуя дьявольской логике: «Если нет Бога, то я Бог»⁷⁷. В основе этого акта — бунт против Творца и творения: «Я три года искал атрибут божества моего и нашёл: атрибут божества моего — Своеволие! Это всё, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать

71 *Достоевский Ф. М.* Бесы // ПСС. Т. 10. С. 471.

72 Там же.

73 Там же. С. 471–472

74 Там же. С. 189.

75 Там же. С. 228.

76 Там же. С. 472.

77 Там же. С. 470.

непокорность и новую страшную свободу мою»⁷⁸. Духовная исковерканность Кириллова поражает. По наущению врага рода человеческого Ставрогин смог уродливо совместить в его душе непомерную гордыню с любовью к людям. И в результате «великодушным Кирилловым» движет не только гордыня, но и мечта о всеобщем счастье, к которому, как ему кажется, он нашел путь: «Человек несчастлив потому, что не знает, что он счастлив; только потому. Это всё, всё! Кто узнает, тотчас станет счастлив, сию минуту»⁷⁹. И для того, чтобы освободить человечество от страха смерти, Кириллов решает убить себя, на своем примере доказав абсолютную свободу человека: ведь если Бога нет, то и самоубийство — не грех, потому что «там» за него ничего не будет, а следовательно, бояться нечего.

Дьявол использовал Ставрогина для того, чтобы еще одного человека превратить в своего раба, и Шатов, понимая это, смотрит на старого друга с сожалением: «Если б вы могли отказаться от ваших ужасных фантазий и бросить ваш атеистический бред... о, какой бы вы были человек, Кириллов!»⁸⁰ «Оговорка» Шатова примечательна: Кириллов уже почти не-человек. Он еще сохраняет многие прекрасные **душевные** качества, но **духовно** уже не принадлежит самому себе, поэтому, когда Верховенский вошёл в комнату Кириллова, полную мрака и уже ставшую гробом, «**что-то** заревело и бросилось к нему. Изо всей силы прихлопнул он дверь и опять налёг на неё, но уже всё утихло — опять **мёртвая** (в обоих случаях п/ж наш. — О. С.) тишина»⁸¹. Через несколько минут Кириллов убьёт себя, и его смерть станет последним эмпирическим звеном логики богоотрицания.

Примерами своих героев Достоевский показывает, что и путь непрерывного удовлетворения страстей (Ставрогин, Пётр Верховенский) и путь рационального богоотрицания (Кириллов) неизбежно оборачиваются страданиями для окружающих и гибелью для самого человека. Писатель предупреждает, что если человечество не сойдёт с этого пути, то постепенно превратится в бесов, разрушит мир и откроет путь антихристу и его господину. Пока ещё не все предзнаменования сбылись, не оскудела ещё праведниками земля, и попытка сатаны завладеть миром не удалась. Однако, говорит старец

78 *Достоевский Ф. М. Бесы // ПСС. Т. 10. С. 188.*

79 Там же. С. 436.

80 Там же. С. 436.

81 Там же. С. 474.

Иосиф Ватопедский, «мы не ускоряем пришествия антихриста лишь тогда, когда не участвуем в грехах и беззакониях своего времени делом или сочувственным помыслом»⁸².

Следует сказать о том, что и до «Бесов», и после Достоевский размышлял о возможности появления в России того антихриста, о котором говорит Откровение. Так, современный исследователь пишет: «Раскольников — один из первых сверхчеловеков-антихристов у Достоевского, пока ещё неуспешный, но уже имеющий в себе черты данного типа»⁸³. Демонические черты нетрудно увидеть в образе Ламберта и Версилова («Подросток»), а в последнем романе **великого пятикнижия** антихрист вновь появится и вновь разделится между лицами-личинами Ивана Карамазова, его брата Смердякова и некоторых других персонажей.

По словам преподобного Иустина (Поповича), «особая заслуга Достоевского в том, что он открыл метод действий дьявола в сфере человеческой природы: он незаметно, тайно забирается в самосознание человека, становится его неотделимой частью, постепенно и неприметно захватывает ум и все психические силы человека, так что человек несознательно чувствует его как себя, как содержание своего самосознания: мыслит посредством его, а считает, что мыслит сам по себе, чувствует посредством его, а считает, что чувствует сам по себе, желает посредством его, а считает, что желает сам по себе»⁸⁴. И в этом смысле, говорит С. Н. Булгаков, ««Бесы» есть символическая трагедия. Но в то же время это существенно есть и русская трагедия, изображающая судьбы именно русской души. Говоря частнее, это есть трагедия русской интеллигенции, определённого духовного уклада личности»⁸⁵. Этим романом писатель поставил «религиозный диагноз той интеллигенции, которой принадлежит духовно руководящая роль в русской революции»⁸⁶.

В современном общественном сознании бытуют слова, вложенные Достоевским в уста Дмитрия Карамазова: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»⁸⁷. К ним нужно относиться со всей ответственностью — так, как это делал сам писатель. По словам

82 *Иосиф Ватопедский*. О кончине века и антихристе / пер. с новогреч. Ю. С. Терентьева. М., 2006. С. 63.

83 *Артемьева С.* Апокалипсис у Достоевского. С. 236.

84 *Иустин (Попович)*, прп. Догматика Православной церкви. С. 124.

85 *Булгаков С. Н.* Русская трагедия. С. 195.

86 Там же. С. 212.

87 *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // ПСС. Т. 14. Л., 1976. С. 100.

Г. К. Щенникова, ему было очень «важно показать, как в борьбе Бога и дьявола в сердце человека может победить дьявол, как бес проникает в самую совесть, — в крестовину человеческого стержня и ломает, разрушает, деструктурирует человека»⁸⁸. И вместе с тем «Бесы» сохраняют пафос православного оптимизма⁸⁹; и Шатов, и Степан Трофимович находят путь ко спасению ещё при жизни, и смерть открывает им дверь не в небытие (как Ставрогину), а навстречу Христу.

Источники

Ioannes Damascenus. De fide orthodoxa // PG. Т. 94. Col. 790–1228.

Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 9-ти томах / сост., комм. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти томах. Л.: Наука, 1972–1990.

Иоанн Дамаскин, прп. Точное изложение православной веры. М.: Сибирская благовонница, 2010.

Иосиф Ватопедский. О кончине века и антихристе / пер. с новогреч. Ю. С. Терентьева. М.: Московское подворье СТСЛ, 2006.

Иустин (Попович), прп. Догматика Православной Церкви: Эсхатология. М.: Изд. Совет РПЦ, 2005.

Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. / гл. ред. М. П. Алексеев. М.: Наука, 1978–2014.

Литература

Артемяева С. Апокалипсис у Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. М.: С. Т. Корнеев, 2003. № 17. С. 233–255.

Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / сост. Н. Ф. Буданова и др. СПб.: Наука, 2005.

Буданова Н. Ф. О некоторых источниках нравственно-философской проблематики романа «Бесы» // Достоевский: материалы и исследования. Л.: Наука, 1988. Т. 8. С. 93–107.

Булгаков С. Н. Русская трагедия // О Достоевском: Творчество Достоевского в русской мысли. М.: Книга, 1990. С. 193–215.

Гоголов М. Г. Лермонтовские мотивы в творчестве Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. Л.: Наука, 1985. Т. 6. С. 64–72.

88 Щенников Г. К. Целостность Достоевского. Екатеринбург, 2001. С. 385.

89 Ярким примером такого подхода является сборник лекций О. фон Шульца под названием «Светлый, жизнерадостный Достоевский» (1932).

- Земскова В. И.* Евангельские и былинные сюжеты в романе «Бесы» // Достоевский и мировая культура. Альманах. СПб.: Серебряный век, 2009. № 26. С. 54–53.
- Кантор В. К.* «Судить Божью тварь». Пророческий пафос Достоевского: очерки. М.: РОССПЭН, 2010.
- Карякин Ю. Ф.* Достоевский и Апокалипсис. М.: Фолио, 2009.
- Леонов В., прот.* Основы православной антропологии: Учебник. М.: изд. МП РПЦ, 2016.
- Никольская Т. К.* Роман «Бесы» и пророчества о русской религиозной истории XX века // Достоевский и современность: Материалы XIX Международных Старорусских чтений 2004 года. Новгород: Дом-музей Ф. М. Достоевского, 2005. С. 150–154.
- Савва (Остапенко), схиигумен.* Светильники духа. М.: Братство св. ап. Иоанна Богослова, 2010.
- Сальвестрони С.* Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / пер. с итал. М.: ББИ, 2015.
- Сараскина Л. И.* «Бесы»: роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990
- Степанян К. А.* Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского. СПб.: Крига, 2010.
- Сыромятников О. И.* Поэтика русской идеи в великом пятикнижии Ф. М. Достоевского. СПб.: Маматов, 2014.
- Тимофеева В. В. (Починковская О.)* Год работы с знаменитым писателем // Достоевский в воспоминаниях современников. В 2-х т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. С. 137–197.
- Щенников Г. К.* Целостность Достоевского. Екатеринбург: изд. Уральского университета, 2001.

Eschatological Aspects of Orthodox Poetics. The Novel F. M. Dostoevsky «Demons»

Oleg I. Syromyatnikov

Doctor of Philology

Lecturer at the Department of Humanities and natural Sciences at the Perm Theological Seminary

614036 Perm, highway of Cosmonauts, 185.

pani_perm@list.ru

For citation: Syromyatnikov, Oleg I. "Eschatological Aspects of Orthodox Poetics. The Novel F. M. Dostoevsky 'Demons'". *Theological Herald*, № 3 (38), 2020, pp. 316–340 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2020.38.3.015

Abstract. Orthodox poetics is a set of means to express the Orthodox creed in the imagery of a literary work. Its foundations lie in the «Word of Law and Grace» (the XIth century), but

it received its highest development in the works of the Orthodox writers of the XIXth century, among whom a special place belongs to F. M. Dostoevsky. The artistic means he found allow him to describe the processes taking place in the spiritual world of man and society. In the writer's works, the question of personal salvation is inextricably linked with the question of the historical fate of Russia. The novel «Demons» (1872) is a striking example: an immediate occasion for writing it was the crime committed by the revolutionary group headed by Nechaev. Dostoevsky considers the deepening apostasy of the Russian intelligentsia to be the main reason for it, being a consequence of pride, egoism and hedonism. The writer shows how the desire to satiate passions destroys the image of God in man. After that, the resulting spiritual emptiness is filled with evil, and man gradually acquires the features of the antichrist, whose appearance is predicted by the Holy Scriptures. First of all, this applies to the images of Stavrogin and Peter Verkhovensky – in each of them there are features attributed to the antichrist: pride, anger, inability to love, etc., but in none of them they are completely fulfilled. Thus Dostoevsky warns us that if the destruction of the Russian society spiritual consciousness is not timely stopped, these traits can be embodied in one person.

Keywords: God, Christ, F. M. Dostoevsky, «Demons», eschatology, Orthodox poetics, Antichrist, devil.

References

- Alekseev M. P. (ed.) (1978–2014) Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. [Complete Works and Letters: in 30 Volumes]*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Artem'eva C. (2003) “Apokalipsis u Dostoevskogo” [“Dostoevsky's Apocalypse”], in *Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Al'manah [Dostoevsky and World Culture. Almanac]*. Moscow: S. T. Korneev, no. 17, pp. 233–255 (in Russian).
- Budanova N. F. (1988) “O nekotoryh istochnikah nrvstvenno-filosofskoj problematiki romana ‘Besy’” [“On Some Sources of Moral and Philosophical Problems of the Novel ‘Demons’”], in *Dostoevskij: materialy i issledovanija [Dostoevsky: Materials and Research]*. Leningrad: Nauka, vol. 8, pp. 93–107 (in Russian).
- Budanova N. F., Bykova N. S., et al. (eds.) (2005) *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: Opyt rekonstrukcii. Nauchnoe opisanie [Library of F. M. Dostoevsky: the Experience of Reconstruction. Scientific Description]*. Saint-Petersburg: Nauka (in Russian).
- Bulgakov S. N. (1990) “Russkaja tragedija” [“Russian Tragedy”], in *O Dostoevskom: Tvorchestvo Dostoevskogo v russkoj mysli [About Dostoevsky: Dostoevsky's Creativity in the Russian Thought]*. Moscow: Kniga, pp. 193–215 (in Russian).
- Dunaev A. G. (ed.) (2005) Iustin (Popovich), prp. *Dogmatika Pravoslavnoj Cerkvi: Jeshatologija [Dogmatics of the Orthodox Church: Eschatology]*. Moscow: Izdatel'skij Sovet RPC (Russian translation).
- Fridlender G. M., Dolinin A. S., Kijko E. I., Ornatskaja T. I., et al. (eds.) (1972–1990) Dostoevskij F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. [Complete Works: in 30 Volumes]*. Leningrad: Nauka (in Russian).

- Gigolov M. G. (1985) "Lermontovskie motivy v tvorcestve Dostoevskogo" ["Lermontov's Motives in Dostoevsky's Work"], in *Dostoevskij: materialy i issledovanija* [Dostoevsky: Materials and Research]. Leningrad: Nauka, vol. 6, pp. 64–72 (in Russian).
- Kantor V. K. (2010) "Sudit' Bozh'ju tvar'". *Prorocheskij pafos Dostoevskogo: ocherki* ["Judge the Creature of God". *Prophetic Pathos of Dostoevsky: Essays*]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (in Russian).
- Karjakin Ju. F. (2009) *Dostoevskij i Apokalipsis* [Dostoevsky and the Apocalypse]. Moscow: Folio (in Russian).
- Leonov V. (2016) *Osnovy pravoslavnoj antropologii. Uchebnik* [The Fundamentals of Orthodox Anthropology. Textbook]. Moscow: Izd. MP RPC (in Russian).
- Nikol'skaja T. K. (2005) "Roman 'Besy' i prorochestva o ruskoj religioznoj istorii XX veka" ["The Novel 'Demons' and Prophecies about the Russian Religious History of the Twentieth Century"], in *Dostoevskij i sovremennost': Materialy XIX Mezhdunarodnyh Starorussskih chtenij 2004 goda* [Dostoevsky and Modernity: Materials of the XIX International Old Russian Readings of 2004]. Novgorod: Dom-muzej F. M. Dostoevskogo, pp. 150–154 (in Russian).
- Sal'vestroni S. (2015) *Biblejskie i svjatootecheskie istochniki romanov Dostoevskogo* [Biblical and Patristic Sources of Dostoevsky's Novels]. Moscow: Biblejsko-Bogoslovskij institut (in Russian).
- Saraskina L. I. (1990) "Besy": roman-preduprezhdenie ["Demons": a Warning Novel]. Moscow: Sovetskij pisatel' (in Russian).
- Savva (Ostapenko) (2010) *Svetil'niki duha* [The Lamps of the Spirit]. Moscow: Bratstvo sv. apostola Ioanna Bogoslova (in Russian).
- Shhennikov G. K. (2001) *Celostnost' Dostoevskogo* [Dostoevsky's Integrity]. Ekaterinburg: Izd. Ural'skogo universiteta (in Russian).
- Stepanjan K. A. (2010) *Javlenie i dialog v romanah F. M. Dostoevskogo* [Phenomenon and Dialogue in the Novels of F. M. Dostoevsky]. Saint-Petersburg: Kriga (in Russian).
- Syromjatnikov O. I. (2014) *Pojetika ruskoj idei v velikom pjatknizhii F. M. Dostoevskogo* [Poetics of the Russian Idea in the Great Pentateuch by F. M. Dostoevsky]. Saint-Petersburg: Mamatov (in Russian).
- Terent'ev Ju. S. (ed.) (2006) *Iosif Vatopedskij. O konchine veka i antihriste* [About the End of the Century and the Antichrist]. Moscow: Moskovskoe podvor'e Svjato-Troickoj Sergievoj Lavry (Russian translation).
- Timofeeva V. V. (1990) "God raboty s znamenitym pisatelem" ["Year of Work with the Famous Writer"], in *Dostoevskij v vospominanijah sovremennikov: v 2 t.* [Dostoevsky in the Memoirs of Contemporaries: in 2 Vols.]. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, vol. 2, pp. 137–197 (in Russian).
- Voropaeva V. A., Vinogradova I. A. (eds.) (1994) *Gogol' N. V. Sobranie sochinenij: v 9 t.* [Collected Works: in 9 Volumes] Moscow: Russkaja kniga (in Russian).
- Zemskova V. I. (2009) "Evangel'skie i bylinnye szuzhety v romane 'Besy'" ["Gospel and Epic Stories in the Novel 'Demons'"], in *Dostoevskij i mirovaja kul'tura. Al'manah* [Dostoevsky and World Culture. Almanac]. Saint-Petersburg: Serebrjanij vek, no. 26, pp. 54–53 (in Russian).